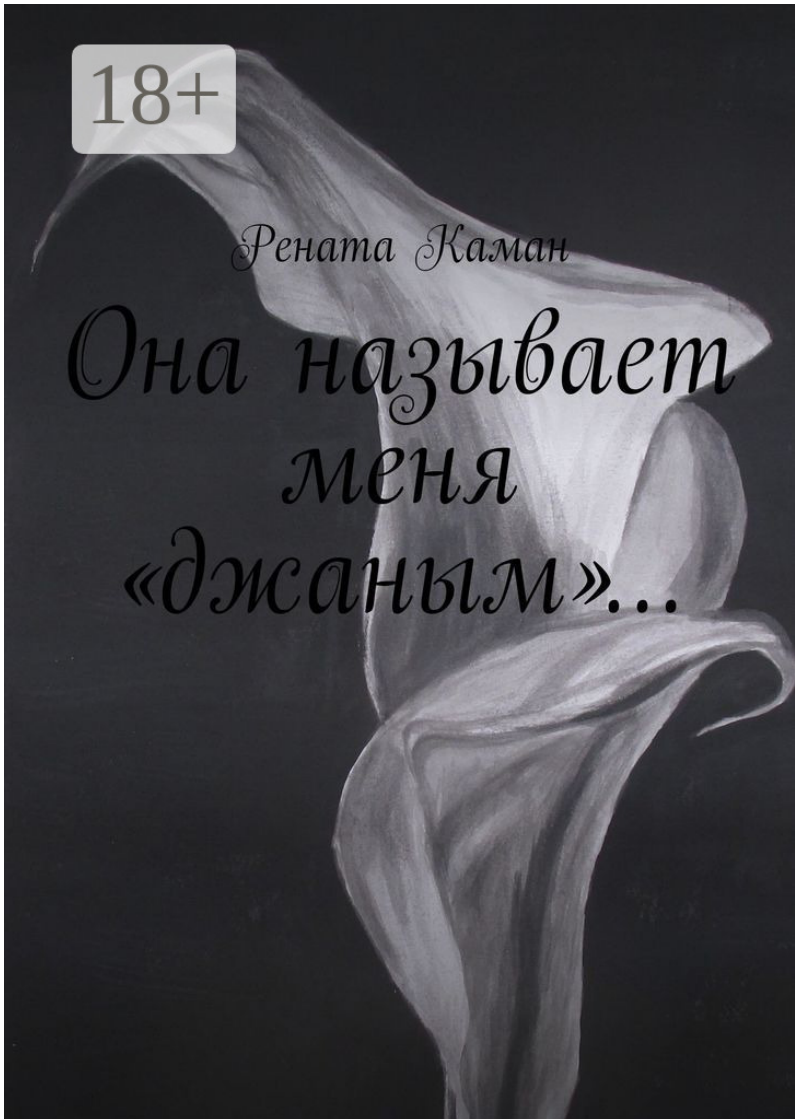

18+

Рената Каман

Она называет
меня
«джаным»...

Рената Каман
Она называет
меня «джаным»...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35736433

ISBN 9785449315472

Аннотация

Иногда мне кажется, что это всего лишь выдумка или не более, чем полет бурной фантазии, но ведь это не так. Это такая же история, как и многие другие истории, и у нее есть свое начало и даже свой конец.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Июнь 2009-го	21
Глава 5	24
Июль 2008- го	25
Глава 6	33
Август 2009-го	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Сентябрь 2011- го	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Она называет меня «джаным»... Рената Каман

*Мы свободны до тех пор, пока не заковали себя в
оковы предрассудков, стереотипов и людской
молвы.*

© Рената Каман, 2020

ISBN 978-5-4493-1547-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она называет меня «джаным». В переводе с турецкого это – «моя душа». Нет, она не турчанка, просто состоит в браке с турком (она сама это так называет – «состоять в браке»).

Не могу точно сказать, сколько лет мы вместе, или дней, и что между нами. Она называет это одним из видов отношений, однако, не торопится хоть как-то этот вид обозначить, дать чёткое определение.

Мы встречаемся всегда в одном отеле, в одно и то же время, 00:15.

Глава 1

То, что нас связывает – это нечто большее, чем просто связь мужчины и женщины, физиология или влечение. Это невозможно спрятать внутри и благополучно позабыть – оно не даёт покоя, а долго и упорно стучится в глубины, пока не достигнет желаемого. Это то, что побеждает и не сдаётся. То, что способно сломить, переделать, перекроить. Это намного сильнее, чем ты можешь себе представить. Просто сильнее и всё – прими как данное.

Если знать наперёд, чем всё закончится, стоит ли начинать? Определённо стоит. Я из тех, упёртых, что не заглядывают в конец книги, пусть даже одним глазком, и даже если сильно хочется. Я не думаю о конце, напротив, считаю, что наше с ней время ничем и никем не определено, не ограничено, и будет длиться столько, сколько пожелаем. Возможно, это глупые и нестоящие мысли, но я действительно склонен так считать.

У неё – смуглая кожа: приобретённый цвет. Говорит, что солнце балует, покрывая светлую от природы кожу ровным и нежным цветом. Да и она сама очень нежная, всегда пахнет чем-то цветочным.

У неё – длинные тонкие пальцы на руках: «музыкальные». Кольцо на безымянном пальце делали на заказ – стандартного размера были велики.

У неё тонкие запястья, свободные от каких-либо украшений. Думаю, подобные запястья сами по себе являются украшением.

У неё длинные ногти, всегда ухоженные и без яркого маникюра. Выбирает мягкие цвета, приятные и не раздражающие глаз.

Её волосы безупречно уложены, и даже когда просыпается, не собираются в сноп, а гордо лежат на плечах хозяйки, всегда блестящие и шелковистые.

Смеётся, запрокидывая голову, делая это настолько естественно и непринуждённо, что и ты невольно начинаешь если не хохотать, то улыбаться.

Если знать наперед, что нашим отношениям отведено не больше-не меньше, чем пара лет или того меньше, год, или вовсе несколько месяцев, стоит ли начинать?

Чем ближе подпускаешь человека, чем крепче становится связь между вами, тем чаще начинаешь задумываться о конце. Банальный страх потерять. Но я не боюсь её потерять, потому что она мне не принадлежит. Это очень важно, осознавать отсутствие у человека принадлежности к чему-либо или к кому-либо. Тогда не будешь сетовать об его утере, краже или пропаже.

Однажды она сказала, что нельзя удерживать человека, если тот не хочет более находиться рядом, это нечестно. Более того, люди встречаются для определенного отрезка времени, и когда конечная точка этого отрезка достигнута,

нет нужды удерживать. Случается, правда, что этот отрезок равен длине жизни, и они проходят его вместе от начала до конца.

Порой удивляюсь её мыслям, суждениям, но с каждым разом всё с большей уверенностью понимаю, что она права. Так что, если однажды она захочет уйти, стоит ли удерживать? Будет ли это означать, что наш отрезок времени достиг конечной точки?

Глава 2

Мы познакомились, когда мне было двадцать лет, а ей – девятнадцать. Я был полон гормонов и желания. Желания быть с ней. Сейчас мне – тридцать два, и желание переросло в надежду и бесконечное ожидание. Не то чтобы я подчинил ожиданию всю жизнь, мысли и дни – мы существуем параллельно, не причиняя друг другу ни малейшего дискомфорта.

Моя повседневная жизнь ничем не отличается от жизни большинства людей: работа, дом, налаженный быт, встречи, разговоры. Я фотограф. На данный момент, это то, чем нравится заниматься больше всего. У меня – своя студия, имя, которое у многих на слуху, не только благодаря успеху на поприще создания и обработки изображений. В своё время написал две книги, ставшие, как это принято называть, бестселлерами: читали, обсуждали, критиковали, восхищались и ждали следующую. Первая книга вышла в печать после окончания университета. Вторая написана в рекордно короткие сроки. Однако я так и не решился посвятить оставшуюся жизнь написанию книг, потому вовсе не считаю себя писателем. Возможно, когда-нибудь будет и третья, но пока для этого нет ни сил, ни желания, ни стоящего материала. По образованию я журналист. Окончил МГУ, факультет журналистики. Именно там мы впервые и встретились. Что еще может объединить двух абсолютно разных людей? Ме-

сто.

Это не была любовь с первого взгляда, о которой любят писать в книгах, говорить на свадьбах под звон бокалов. Это вообще не было любовью: взаимная симпатия. Я относился более серьёзно, для неё это было лишь лёгкое увлечение. Вне стен университета, когда заканчивались лекции и семинары, а студенты торопились туда, где их ждут или не ждут вовсе, у каждого из нас была своя жизнь, круг близких людей и все не относящихся к таковым. Там были и мои строки, обрывки фраз, исписанные листы бумаги. Там было всё, кроме неё. Ни она, ни я не входили в так называемую личную жизнь друг друга, хотя мне, безусловно, этого хотелось. Хотелось молча, про себя и в тайне ото всех.

Я проводил время с девушками – более того, её подруги не единожды видели меня в обществе длинноногих и белокурых красавиц, но она ни разу не обмолвилась об этом. Да и что она могла сказать? Устроить сцену ревности? Банальность не в её стиле, равно как и подобное поведение. Да, я встречался с девушками, вернее, проводил с ними время, не более того. Постоянных отношений в то время не сложилось. Возможно, от того, что сжимал не ту ладонь, которую хотелось бы, и смотрел не в те глаза, о которых писал на обрывках листков.

Пока звонили другие, ждал её звонка. Когда закрывал дверь не за той, что хотелось бы, ждал, что придёт именно та. И однажды ночью она пришла. Просто так, без причины.

«Ты не мог бы объяснить водителю, как проехать к твоему дому?» – спросила она, как ни в чём не бывало, так, словно мы созванивались каждый день. Я опешил. Затем ждал возле подъезда. Было душно и было лето. На ней – лёгкое платье лимонного цвета и босоножки. Она, улыбнувшись, протянула мне руку: «Ты живёшь в лабиринте, кролик». Тогда не понял смысл этих слов, но сейчас понимаю. И это было вовсе не о представителях семейства зайцевых и не ласковое обращение. Затем мы вечно поднимались на лифте. Она смотрела на меня, а я увлеченно читал надписи на стенах лифта, которые и так знал наизусть, перечитав не на раз, ежедневно спускаясь и поднимаясь. Переступив порог квартиры, она сняла босоножки и на цыпочках прошла на кухню так, будто делала это каждый день. Мы пили свежесваренный чай, и она говорила, не умолкая. А я смотрел в глаза, те самые. Затем она ушла. Просто взяла и ушла. Я предлагал остаться, и в тот момент жаждал вовсе не физической близости: просто хотелось, чтобы она осталась. Мне до сих пор этого хочется: чтобы однажды она пришла и больше не уходила. Правда, сейчас это нечто более осознанное, нежели тогда. Тогда всё было немного иначе: ощущения, мысли, чувства. Тогда мы были значительно моложе.

Помню, однажды предложил выйти за меня замуж. Внезапно, без пафоса и специальной обстановки, за пять минут до начала лекции. Мы стояли возле аудитории в окружении огромного количества людей, посреди голосов и звуков.

«Выходи за меня» растворилось в воздухе. Она засмеялась, сочтя за глупость. В тот момент я был абсолютно серьёзен.

Не могу сказать точно, когда, но влюбился – накрыло с головой. Она же продолжала улыбаться, порой сжимая мою ладонь, соблюдая при этом дистанцию. Она построила между нами незримую стену, сквозь которую, как ни пытался, не мог пробиться. Между нами не было ни романа, ни связи, ничего, что хоть отдаленно, но напоминало бы отношения.

Она не скрывала, что в её жизни был мужчина – всегда была предельно откровенна. Она и сейчас откровенна и честна. Тогда же это была грустная история той части её жизни, к которой я не мог прикоснуться. Тогда и себе не мог признаться, что дико ревновал, сжимало где-то в области груди, когда она разговаривала с ним по телефону (в том, что там, по другую сторону провода, был он, я не сомневался). Порой ненавидел его за то, что причиняет ей боль, и ненавидел себя за то, что не могу это остановить. Порой она пребывала в некоем подавленном, отстраненном, потерянном состоянии, и я сразу понимал: причиной тому был он. Она любила, он ей врал. Она продолжала любить. Я не знал всех подробностей истории, но ситуация была ясна. И эта ситуация мне не нравилась. Я понимал, что обязательно придёт время, и история закончится, вот только не смог дожидаться этого момента. Однажды я просто сдался. Однажды я отступил.

После окончания университета наши дороги разошлись, чтобы однажды пересечься вновь.

Глава 3

Я бы мог написать о наших отношениях. Получилась бы неплохая история, возможно, романтическая, и обязательно с грустным концом. Я бы мог выдумать что-то из ряда выходящее, что не укладывается в рамки, шокирует непристойностью, не знает границ. Я бы мог придумать роман и со счастливым концом – так, чтобы все улыбнулись, возможно, даже прослезились. Но, к сожалению, нет желания что-либо выдумывать, особенно финал, не важно, счастливый или грустный. Ведь я не знаю наверняка, чем всё закончится, и закончится ли вообще.

Часто задумываюсь, почему, как только – о любви, так пальцы стынут, застывают над клавиатурой. И мысли тут же пасуют. Порой сдаешься и выключаешь ноутбук. Не пошло, думаешь. Почему так сложно писать о любви? Я знал одного такого, талантливого: строчки складывались сами собой, без лишних задумок и поправок. Я же пока не решаюсь, хотя однажды обязательно попробую, да и пальцы скучают: им так нравилось. Вот решусь и попробую, поразминая пальцы. Однажды напишу и о ней. А пока поскладываю в коробочку памяти кусочки дней, моментов, ощущений, порой незримо, но связанных с ней.

У неё на шее – тонкая цепочка с двумя кулонами в виде букв «А» и «М», на безымянном пальце левой руки – два ка-

рата, на лодыжке – небольшая татуировка: что-то на турецком, маленькая родинка – на предплечье.

Говорит, что он «иш адамы» – что это значит, для меня остаётся секретом. Знаю, у её супруга свой бизнес в Турции, зовут Мехмет – ну и имя – хотя, стоп, это ревность. Там, в Турции, у всех такие имена, непривычные нашему слуху.

У неё – свой журнал, который издаёт одна московская типография, и небольшой ресторан в Анталии. Говорит, там вкусно готовят. «Когда-нибудь обязательно отведаю», – отвечаю не без улыбки.

У них – свой дом в Анталии. Анталия – вообще отдельная история. Говорит, что дома и квартиры в Турции на порядок лучше наших, российских: намного больше и просторнее. У неё есть квартира и в Москве. Никогда не знаю, где она находится: в Турции или здесь, в Москве. Приезжает в столицу, затем – обратно, в Турцию, к нему. Её визит в Москву – это временной промежуток, всегда разный: может растянуться на неделю, порой полторы, а может составить всего лишь пару дней.

За день до приезда она присылает сообщение или звонит. Я не звоню, даже если есть подобное желание – договорённость, что соблюдается в течение наших отношений. Когда-нибудь обязательно подсчитаю эту протяжённость в днях, чтобы назвать точное число. Пересиливаю себя, чтобы не набрать заветные цифры номера. Порой хочется послать сообщение, пусть даже о том, какая сегодня пого-

да: шёл ли дождь с утра либо светило солнце, чтобы просто почувствовать, что мы рядом, на связи. Однако откладывая эту затею в темный ящик, либо пишу текст предполагаемого сообщения на бумаге – сколько у меня этих листков с текстами накопилось! Однажды обязательно покажу их ей.

Сегодня она приезжает. С утра ничего не ел, и желудок предательски об этом напоминает. Лёгкое волнение – от предвкушения встречи, ей-богу, как мальчишка!

Она позвонит ближе к полудню. Затем после полуминутного разговора нажму на «Отбой» и вздохну с облегчением. В мыслях прокручу весь диалог и наберу номер, где на другом конце провода вежливо подтвердят наличие брони и время. Смотрю на часы. 11:45. Она обязательно позвонит. Открываю ноутбук, нахожу папку с фотографиями. С тех пор прошло больше четырех лет. На ней – бирюзовое платье. Ей определённно к лицу этот цвет. Волосы небрежно собраны на затылке, а несколько непослушных прядей выбились и прилегли на хрупких плечах. Уверен, что так было задумано мастером, но выглядит это невероятно естественно. Она улыбается, глядя в объектив фотографа. Безупречный кадр.

Она не заставляет себя ждать, если можно так выразиться в отношении нашей ситуации. После звонка и подтверждения брони в отеле появляется аппетит. Рядом с моей студией – небольшое кафе: никакого пафоса и занебесных цен, от чего блюда не утратили превосходного вкуса, а каче-

ству обслуживания могут позавидовать дорогие заведения. Нет ни надоедливых официантов, ни шумных посетителей – могу побыть наедине с собой, мыслями. Часто прихожу сюда, иногда просто для того, чтобы выпить кофе с молоком. Она же пьёт только чёрный, кладет в него дольку лимона – интересное сочетание, не по мне. Мы во многом расходимся, порой мне кажется, что точек соприкосновения вовсе нет.

Присаживаюсь за столик возле окна. Люди проходят мимо, а я наблюдаю. За соседним столом – девушка: пьёт чёрный чай, то и дело поглядывая на мобильный телефон, молчаливо расположившийся на столике возле белоснежного блюдца. Грусть окутала кафе: атмосфера подавленности и тоски. Ей приносят журнал и подают горячий круассан. Медленно перелистывает «глянцевый», страницу за страницей. Лицо не выражает никаких эмоций. Поддавшись внезапному порыву эмоций, встаю и направляюсь к её столику.

– Добрый день. Позвольте мне угостить вас чем-нибудь?

– Здравствуйте. Ну что ж, можете угостить меня чаем, а я закажу для вас круассан – здесь готовят восхитительные круассаны. Ну, как идея?

У неё огромные, небесного цвета, глаза и, на удивление, восхитительная улыбка. Белокурые волосы, чуть ниже плеч. Думаю, роста в ней – сантиметров сто семьдесят пять.

– Отличная идея. Меня зовут Сергей, – присаживаюсь за столик и жестом приглашаю официанта.

– А меня – Ирина. Приятно познакомиться.

– Вы часто бываете здесь?

– Примерно, раз в неделю. Не могу отказаться от местных круассанов, – улыбка у неё действительно восхитительная. Невольно улыбаюсь в ответ.

– Странно, я прихожу сюда, как минимум, три раза в неделю, но ни разу не пробовал круассанов. Думаю, благодаря вам, открою нечто новое и, не сомневаюсь, вкусное.

– Что ж, нам, пожалуйста, чёрный чай, два круассана и ... – вопросительный взгляд в мою сторону.

– Кофе с молоком, – отвечаю после небольшой паузы.

За тёплой беседой доедаем круассаны – должен сказать, они действительно восхитительные, и затем прощаемся. Никакого намёка на флирт, обмена номерами телефонов или двусмысленными улыбками – просто общение. То, чего не хватает в повседневной жизни – простого человеческого общения. Девушка Ирина, грустившая пятнадцать минут назад, покидает кафе с лучезарной улыбкой. И, возможно, то, что казалось неразрешимым, окажется после лишь небольшим препятствием, которое стоит и можно преодолеть, а звонок, которого она так ждала, не таким уж и важным, что стоило лишать себя возможности созерцать происходящее вокруг, расслабиться или просто насладиться вкусом любимых круассанов.

Насытившись, успокоив желудок, иду домой, отдохнуть, привести мысли в порядок, ведь встречу, назначенную на 00:15, никто не отменял, а иных встреч на сегодняшний

день нет.

После привычного телу контрастного душа жизнь кажется более яркой и лёгкой. Расположившись в мягком кресле, которое приобрел всего пару недель назад, перелистываю журналы, аккуратной стопкой расположившиеся на небольшом стеклянном столике. Закончив бессмысленное перелистывание страниц, включаю телевизор, чтобы так же бесцельно переключать каналы – порой подобные занятия расслабляют мозг, да и тело в это время отдыхает.

21:25 – неужели уснул? Наверное, возраст, плавно приближающийся к отметке в тридцать три, даёт о себе знать. Хотя о чем это я! Мы начинаем стареть осознанно, когда задумываемся о возрасте и соглашаемся с ним, начинаем выдумывать усталость и недомогания.

Перекусив лёгким салатом, выпив зелёного чая, направляюсь пешком до отеля: захотелось подышать городским загазованным воздухом – язык не поворачивается назвать его свежим. И всё же прогулка по вечернему городу имеет свои преимущества: хотя бы начать с того, что ходьба полезна для здоровья. Нет, возраст определенно даёт о себе знать, если в первую очередь думаю о пользе для своего организма!

За размышлениями о плюсах и минусах вечерних прогулок, и с глупой улыбкой на лице, не торопясь, дохожу до отеля. Улыбнувшись администратору, коим является высокая симпатичная шатенка, поднимаюсь в номер. Сняв пиджак, усевшись в мягкое широкое кресло, закуриваю.

23:50 – скоро она придёт.

Глава 4

Никогда не говорил ей, что мне нравится приходить раньше, пусть даже на несколько минут, и ждать, что она вот-вот откроет дверь, не стучась, а затем наблюдать за каждым движением. Вот сейчас она переступит порог комнаты, устремив взгляд в глубины меня, улыбаясь, не спеша снимет обувь, будь то легкие летние туфли или высокие сапоги, и какими-то скользящими движениями поставит ступню на коврик возле двери.

Июнь 2009-го

– Ты никогда не опаздываешь, – говорю с улыбкой.

Сегодня на ней – лёгкое белое платье, босоножки цвета золота. Небрежно собранные под золотистой заколкой каштановые волосы при свете отливают медью.

– Не люблю опаздывать и терпеть не могу, когда другие опаздывают. Более того, меня это приводит в бешенство, – говорит, медленно снимая босоножки.

– Поэтому я всегда прихожу раньше.

– Просто тебе нравится сам процесс ожидания.

– Мне нравится ждать тебя... Или это уже вошло в привычку.

Сегодня она особенно красива. Она всегда красива. Люблю каждый её сантиметр. Люблю её лицо. Однажды она спросила: «Если бы тебе завязали глаза и поставили несколько человек, ты бы смог найти моё лицо на ощупь?». Тогда я ответил, что это невозможно. Сейчас же уверен в обратном. Люблю её скулы. Немного пухлые губы, слегка вздёрнутый нос. Её глаза – не столько глаза, сколько взгляд – у него одно предназначение: бить на поражение, насквозь. Она знает об этом и умело пользуется.

– Вчера вечером выбралась к морю. Оно бесподобно, джанным. Сколько же в нём силы, свободы, и в то же время нежности, – говорит, кружась по комнате.

– Ты же не любишь плавать.

– Не люблю, – присаживается на кровать, – но ведь море существует не только для того, чтобы плавать, не так ли? Говорят, успокаивает. Знаешь, джаным, полностью согласна. Рядом с морем забываю обо всём на свете, что-либо перестает существовать и теряет прежний смысл. Я просто погружаюсь в эту ни с чем не сравнимую атмосферу спокойствия и тишины, расслабляюсь. Ты меня совсем не слушаешь...

Слегка приподнятая бровь, вопрошающий взгляд. Люблю её эмоции: естественна и непринуждённа. Любит дурачиться.

– Джаным, уйкун му гельди?*- смеётся, слегка запрокинув голову.

Иногда она говорит по-турецки. Больше ради смеха, нежели по привычке. Она ведь знает, я не знаю этот язык. Да и откуда мне его знать, чёрт побери! Нет, меня вовсе не обижает, когда она говорит на чужом языке. Ей нравится турецкий, его звучание – выучила сама, не прибегая к помощи педагогов, не посещая курсы. Смотрела турецкие фильмы, слушала турецкую музыку, не понимая вовсе, о чём идёт речь. В начале слух постепенно начинал улавливать отдельные слова, затем – фразы. Она говорит, сначала ты должен адаптироваться к звучанию, затем придёт понимание. Сейчас она знает этот язык в совершенстве, но до сих пор любит просто слушать турецкую речь. Не вникая, не разбирая слов, просто слушать.

– Извини, задумался.

Любая другая спросила бы, о чём думал, с чем это связано и не связано ли это с ней, но только не она. Возможно, считает, у неё нет права на подобные вопросы. Мне бы хотелось, чтобы было так, но, на самом деле, всё по-другому.

Иногда не могу понять, почему я здесь и зачем всё это нужно, почему не могу уйти или вовсе не приходить. Закрываю глаза и просто перестаю думать об этом, дабы не искать ответы на многочисленные «почему».

– Джаным?...

Открываю глаза и медленно расплываюсь в улыбке. Сегодня она определенно красива. Её изумлённый взгляд вызывает лёгкую ухмылку. Встаю с кровати, беру стул и присаживаюсь напротив. Я здесь, потому что так должно быть, потому что без этого не могу.

*Прим.: *Sanım? Uykun mu geldi?* – в пер. с тур. яз. «Душа моя? Тебе хочется спать?»

Глава 5

Наша история сложена из воспоминаний, коротких и не очень: маленьких и больших фрагментов. Эти воспоминания-фрагменты всегда со мной, заставляют двигаться, идти вперед, не останавливаясь. Заставляют жить.

Июль 2008- го

Жаркий сегодня предстоит денёк: с самого утра солнце палит так, что хочется провести весь день под холодным душем, включить кондиционер на полную мощность и остаться дома, в атмосфере прохлады и бездействия. Можно, впрочем, посмотреть телевизор, съесть пиццу, доставку которой обеспечат уже через сорок минут. Но это всего лишь пожелания души и проделки лени, которая обязательно посещает в дни, когда солнце работает в полную силу. Но свадьбу, которую милостиво согласился отработать, хотя набрал заказов на всё лето под завязку, никто не отменял. Так что, пора принять который по счету душ и оправляться на работу.

Сегодня снимаю свадьбу одного турка, неплохо обосновавшегося в столице, с русской невестой. Свадьба Ахмета и Елены. Отчего наших девушек так тянет к восточным мужчинам, неужели своих, русских, не хватает? Видимо, жажда восточной сказки, которая, зачастую, оборачивается ужасом, берёт своё – изо дня в день подобные истории рассказывают любезные средства массовой информации. Но ведь нашим дамам, что в лоб, что по лбу. Мне-то что! Разворчался с самого утра, словно старый дед!

Натягиваю любимые джинсы, которые уже через десять минут прилипнут к телу, словно вторая кожа, расплавившись под градусом Цельсия. Ищем майку попримичнее, а то

в гардеробе много – с кричащими надписями, и не вполне приличными: я за свободу слова, как говорится. Улыбаюсь отражению. Нарцисс ещё жив и вполне процветает. Обуваю кеды, покидаю холостяцкую обитель.

Духота невозможная, хотя девятый час утра. Не повезло молодожёнам: в такую жару невесте будет нелегко в затянутом до удушья корсете, а жениху, пусть даже в одной рубашке, с мило повязанным галстуком – в такое-то пекло! У невесты, как обычно, пойдёт насмарку весь макияж, умело нанесённый мастером в течение не одного часа, из-за чего она будет постоянно нервничать, что обязательно отразится на фото. Назовём это издержками свадеб в летний сезон.

Купив в магазине холодной газированной воды, отправляюсь к Ахмету. Отсняв приготовления жениха, бегом – к невесте, которая в окружении своих подруг ожидает появления того самого жениха. Обязательный элемент свадеб – выкуп, и редко кто обходится без него. Вот и сегодня Ахмету придётся проявить все скрытые и явные таланты, дабы петь, танцевать, придумывать тысячу комплиментов будущей жене.

Как и ожидалось, невеста встречает меня не в лучшем расположении духа. Хотя такое милое личико должно отражать лишь улыбку и полную гармонию, о чём тут же сообщаю красавице. Улыбнувшись, берет меня под руку, показывает квартиру, раздавая при этом указания, кому и что предстоит сделать, из которых мне достается – как и в каком ракур-

се снимать – присев на диван в гостиной, выпивает залпом бокал чего-то газированного, и сообщает всем, что пора бы начать. Забавная невеста.

Платье Елены поражает наличием огромного количества страз и пышностью. Думаю, она выбрала самое пышное из всех платьев, которые были в свадебном салоне. Хотя, стоит признать, выглядит просто потрясающе. Невеста немного нервничает, но это простительно, ведь, как говорится, замуж выходишь не каждый день. Хотя бывает, что и не раз. Дав клятву, любить, пока смерть не разлучит, молодожёны и не предполагают, что быт и семейные неурядицы разлучат их намного быстрее. Может, и не стоит так поспешно давать клятвы друг другу. Не проще ли сказать, я люблю тебя, я с тобой, а там посмотрим. Звучит, конечно, не столь торжественно и многообещающе, но хотя бы приближенно к реальности.

– Приехал! – громкий женский голос, и все враз засуетились, стали бегать по комнатам, невесту отвели в гостиную – решили, что именно там они встретятся с женихом.

– Как я выгляжу? – вот уже в который раз спрашивает невеста, приподняв бровь, умело нарисованную мастером по макияжу.

– Великолепно, – отвечаю не без улыбки, – я – к жениху. Не волнуйся, всё будет хорошо.

На улице дворовые ребяташки окружили жениха, требуя сладостей. Не знаю, входило ли это в сценарий выкупа,

но кадр получится неплохой. Сам же выкуп проходит весело и непринуждённо. После того, как гости вдоволь пополнили свои желудки закуской, мы все дружно отправляемся в Загс, встречающий нас улыбками, звенящими бокалами, шоколадными конфетами, ну и, конечно, другими молодожёнами. Сама церемония бракосочетания ничем не отличается от тех, что наблюдаю практически каждый день: та же речь регистратора, заученная наизусть, обмен кольцами, слёзы невесты, растроганные гости, танец молодожёнов. Мне нравятся выездные регистрации брака – не успели приесться, хотя и здесь организаторы повторяются: слишком много белого.

Фотосессию свежеиспеченных супругов делю на несколько частей. Благополучно отсняв около сотни кадров возле Загса, едем к Киевскому пешеходному мосту, где получают отличные фотографии, благодаря оригинальному архитектурному решению. Так же запланировано посещение Новодевичьего монастыря, люблю его атмосферу.

Несмотря на невыносимую жару, молодожёны и их гости – в отличном расположении духа, с удовольствием участвуют в фотосессии, да и в целом, обстановка царит дружеская. Каким образом гости нашли между собой общий язык, остается загадкой, если учесть, что добрая часть приглашённых разговаривает на турецком, остальные – на русском, и далеко не все из них владеют международным английским. Но смешение звуков и языков, доносящихся из толпы, радует слух.

Наконец молодожены торжественно приглашают гостей разделить трапезу. Банкет заказан в одном из турецких ресторанов – раньше в нём не был: не могу назваться поклонником восточной кухни, предпочитаю нашу, русскую, европейскую, ну и, с недавних пор, благосклонно отношусь к японской. Да и в Турции не был, хотя, к примеру, в Европе много где побывал – обязательно съезжу в Турцию, говорят, турки очень гостеприимны.

Возле ресторана молодоженов встречают лепестками роз и караваем, который держит мать невесты на вышитом полотенце. Интересно, у турков есть нечто подобное? Новопечённому мужу объясняют, что сначала необходимо откусить кусок каравая, соревнуясь с женой в количестве откушенного, затем посолить этот кусок и накормить любимую жену. Хозяин ресторана поздравляет молодоженов, затем предлагает пройти внутрь и, собственно, продолжить празднование, а так же отведать приготовленные блюда. Интерьер ресторана впечатляет: по всему периметру развешаны, прикреплены к стенам разноцветные лампы и светильники, ткань натянута так, что создаётся ощущение, будто мы находимся внутри огромного шатра – безумно красиво и по-восточному. Молодоженам приготовили отдельный стол, но сделали его в виде небольшого шатра, остальные места выглядят очень мягкими и словно воздушными, хотя, на самом деле, стулья умело обтянули тканью. Угощения так же радуют глаз, а какой царит аромат! Приглушённый

ная музыка окутывает ресторан, каждый уголок, разливаясь отовсюду – что ж, стоит отдать должное организатору – он определённо знает толк в своём деле. Думаю, гости приятно удивлены. Пришли люди, которых не было ни в Загсе, ни на прогулке. К примеру, эта девушка в бирюзовом платье, которая обнимает невесту и весело смеётся. Лицо кажется знакомым, не могу рассмотреть, так как вижу лишь профиль, но где-то видел её. Она держит огромный букет белых роз в одной руке, в другой – небольшую сумочку. Вот она оборачивается, делаю пару кадров. Красивая девушка – улыбается, машет кому-то рукой, делаю еще несколько кадров. Стоп! Это же Аня!

Выхожу покурить, пока гости отплясывают который по счету танец. Музыка стала громче, но лишь на момент небольшого перерыва и не до такой степени, когда режет слух.

– Привет, Серёжа.

Невольно вздрагиваю и оборачиваюсь. Она стоит на расстоянии вытянутой руки, прикуривает тонкую сигарету. Странно, но я вдруг растерялся, и ничего не могу с собой поделаться. Улыбаюсь и молчу. Глупо, наверное, выгляжу.

– Не знала, что ты фотограф, – говорит, улыбаясь.

– Это то, чем мне нравится заниматься на данный момент, – прихожу в себя после полуминутного молчания. – А ты? Ты чем занимаешься?

– У меня – свой журнал в Москве и небольшой ресторан

в Турции. Последнее – подарок мужа, – говорит, смущаясь, или мне показалось.

– Ты замужем? Давно? А дети есть? – буквально забрасываю вопросами.

– Замужем. Через неделю будем праздновать вторую годовщину. Детей у нас нет, думаю, пока мы к этому не готовы. А ты женат?

– Нет, пока не удалось, – улыбаюсь. – Ты недавно пришла? Не видел тебя в Загсе.

– Удалось прийти только в ресторан.

– Ты – с мужем?

– Нет, он остался в Турции, не смог приехать.

– Так ты замужем за турком? И как же твоя фамилия? Как теперь тебя величать?

– Анна Озгюн, собственной персоной, – смеётся.

– Надо же, красиво звучит. Ну ладно, пойду работать, я же всё-таки на работе, – улыбаюсь. – Увидимся, Анна Озгюн.

За оставшийся вечер делаю еще пару кадров, на которых она смотрит в объектив и улыбается.

Свадебный торт – огромный, в восемь ярусов, белоснежный и очень вкусный. После того, как молодожены разрезали свое творение кондитера, а гости насладились вкусом, празднование можно считать законченным. Фейерверк – в честь молодоженов, и они отправляются в гостиницу, поблагодарив всех гостей за присутствие на празднике жизни. Мне предстоит последняя часть фотосессии и затем, уставший,

около часа ночи, возвращаюсь домой. Остается принять душ и уютно устроиться в постели. Надеюсь, завтра не будет такой жары.

И лишь закрыв глаза, вдруг вспоминаю о ней. Анна Озгюн. Помнится, она мне нравилась, да что там нравилась – я был по уши в неё влюблён! Тогда у неё был мужчина, которого любила, а сейчас замужем за турком, который делает дорогие подарки.

Остановив поток ненужных мыслей, отправляюсь в страну Морфея, но её образ не покидает. Однако усталость берёт своё. Нужно хорошенько выспаться, ведь завтра новый день и новая свадьба. Люблю свадьбы, правда, когда присутствуешь на них ежедневно, мозг потихоньку перенаполняется всем этим счастьем, кружевами, бокалами и прочей свадебной атрибутикой.

Не часто, но вспоминаю этот день, когда мы впервые встретились после окончания университета, просматриваю его в воспоминаниях раз за разом, будто кинолентку. И так отчетливо слышу её смех, вижу улыбку – невольно улыбаюсь.

Так странно, но мне безумно нравится сочетание её имени с этой турецкой фамилией. Анна Озгюн. И никак иначе. Я бы сказал, ей к лицу эта восточная нотка.

Глава 6

Август 2009-го

– Так странно, джаным. Еще вчера была в Турции, а уже сегодня – здесь, в Москве, – говорит, игриво отправляя апельсиновую дольку в рот.

– Ты говоришь об этом с такой лёгкостью, не задумываясь вовсе, что живёшь на две жизни, – отвечаю с едва уловимым раздражением.

– О чем это ты? Можно жить на два дома, но не на две жизни. Жизнь – она одна, и каждый проживает так, как считает нужным.

– Опять громкие слова, и не более. Хорошо, я живу на две жизни. Одна жизнь – это ты, наши встречи. Другая – это мои фотографии, студия, книги, люди: родные, близкие и приятели, прохожие и незнакомцы, Ольга.

– Она знает о наших встречах?

– Я ничего не скрываю.

– То есть ты приходишь домой и всё ей рассказываешь? Всё, вплоть до мельчайших подробностей? – спрашивает, улыбаясь.

– Зачем ты так? Она знает о наших встречах, о тебе.

– И ты считаешь, что это нормально? Что это не причи-

няет ей боли? Сложил с себя всю ответственность, прикрывшись тем, что правдив и честен. На самом деле, это банальная мужская трусость: выбирай сама, как тебе с этим жить. Хочешь, оставайся, но потом не жалуйся и не устраивай истерик, а хочешь – собирай вещи и уходи. Разве я не права?

– Что ты несёшь? – начинаю заводиться.

– То, что Ольга принимает наши отношения, вовсе не означает, что это не причиняет ей боли. А то, что ты удваиваешь эту боль своей якобы откровенностью, вне сомнений. Это не откровенность, джаным, это эгоизм.

– Великолепно! Выстрел в лоб. Эгоист и трус. Таким ты меня видишь?

– Во все нет. Но по отношению к Ольге ты проявляешь именно эти качества.

Неужели она права, и я всего лишь трус, который не может сделать выбор и осознанно причиняет боль женщине, которая любит и ждёт вечерами? Да, я не обманываю Ольгу, прикрываясь задержками на работе, отчетами и прочей ерундой, которую выдумывают сотни мужчин, чтобы выкроить время для любовниц, изменяя супругам, молчаливо оберегающим семейный очаг. Но что это меняет? Так ли нужна ей, Ольге, эта мнимая правда?

– Ты сделал выбор за неё, даже не поинтересовавшись, хотела ли она знать. Тем самым успокоил свою совесть, ведь по сути ты никого не обманываешь, и, на первый взгляд, твоя совесть абсолютно чиста.

– Перестань, – перебиваю её, резко и грубо.

– Я не хотела обидеть, просто сказала, что думаю и, раз уж мы начали, то...

– Ты затеяла весь этот глупый и ненужный разговор, – вновь не даю договорить и просто срываюсь на крик, – и если ты намерена продолжать в том же духе, у меня нет подобного желания! У меня, в принципе, нет желания продолжать с тобой какие-либо беседы, даже просто находиться рядом с тобой! Что ты, чёрт возьми, о себе возомнила!

Вылетаю из номера вне себя от злости, не преминув при этом хлопнуть дверью. Банальная мужская трусость, значит?

Выхожу на улицу – прохладный августовский воздух тут же даёт о себе знать и, увы, не греет. Захожу в ближайший бар и заказываю двести – виски: стоит согреться. Возможно, стоит выпить. Ещё двести – отлегло. Стало легче дышать, и мысли, одна за другой, поступают в голову. Что же меня так вывело? Какая глупая ситуация! Однако еще глупее, оставить её там, в номере, одну посреди ночи. Я просто устал. Смертельно устал от этого подвешенного состояния, в котором пребываю в последнее время, а сколько оно длится, это последнее время, так с ходу и не сказать. Надоело делить на два. Надоело делиться. Нет, она не права, определённо не права! Возможно жить на две жизни! Очень даже можно, и мы с ней оба тому пример. Как долго всё это будет продолжаться? Чего она хочет? К чему был весь этот спор? Да какая, к чёрту, разница, к чему да почему, если всё

именно так, как она сказала. Не скрывать – не значит быть честным. Есть ли грань между «не скрывать» и «демонстрировать», и не переступил ли я эту черту? Не стал ли я откровенно демонстрировать Ольге наличие другой женщины, той, что занимает мысли, стоит между нами, той, что я всё время жду?

Между прочим, наши позиции с Ольгой несколько схожи: мы оба ждём. Правда Ольга ждёт того, кто уже в ожидании. Мы будто сидим на чемоданах и с билетом в руке, в котором указан пункт назначения, но отсутствует дата и время отправления. Кто забыл указать эту дату, и когда исправят эту ошибку?

Ещё двести. Это всего лишь мысли, и никаких действий. Как же здесь накурено – у них что, не работают кондиционеры? К чёрту всё!

Кому нужна правда, и нужна ли она вообще? Миллионы людей тонут во лжи, прекрасная зная, что рано или поздно эта ложь выплывет и затопит всё, что так тщательно скрывали. Так стоит ли лгать? Если все вокруг вдруг перестанут врать, наступит хаос или, напротив, покой?

Выхожу из бара – стало холоднее. Она, наверное, ушла. Возвращаюсь в отель, спрашиваю у администратора, не сдали ли ключи от номера. Отрицательный ответ. Поднимаюсь в номер, хотя в пору бы бежать сломя голову. Открываю дверь.

– Ты не ушла.

– Надеюсь, что вернёшься.

– Как хорошо, что ты не ушла, – провожу рукой по мягким волосам.

– Как хорошо, что ты всё же вернулся, джаным.

И если вы не в силах что-либо изменить сегодня, хотя именно вы должны это сделать, оставьте всё, как есть – не трогайте, не нарушайте целостности, не разрушайте. У всего есть своё время, и оно обязательно придёт.

Глава 7

Никогда не говорил ей, что не люблю возвращаться домой из отеля: открываешь дверь и понимаешь, что вот она, реальность, встречающая тебя с распростертыми объятьями, будто насмехаясь и радуясь неудачи, мол, опять не удалось, опять вернулся. Сколько времени вот так возвращаюсь, прокручивая ключ в замочной скважине? А она, что она чувствует, вернувшись ранним утром в свою московскую квартиру?

– Ну, как прошла встреча?

– Оль, я даже не знаю, что должен ответить на подобный вопрос, – невольно вздрагиваю, – и стоит ли вообще на него отвечать.

Ольга, милая Ольга – женщина, с которой живу вот уже полтора года. Мы познакомились в небольшом ресторане. Она присела за мой столик, разговорились, выпили по бокалу вина – в тот же вечер пришла в мою квартиру и пребывает здесь по сей день. Она знает про меня всё – никогда не скрывал ни про свои отношения, ни про встречи в отеле, ни про чувства к другой женщине. Возможно, эти знания лишь причиняют боль, но ничего не могу изменить. Конечно, я мог бы жить с Ольгой, как говорится, долго и счастливо, обзавестись детьми, о которых давно грезит моя мать, просыпаться по утрам, уходить на работу, приносить честно за-

работанные деньги, вкладывая их в общий бюджет, засыпать с чувством выполненного долга и ощущением бесконечно-го одиночества. Можно было бы создать атмосферу идеальной семьи и тёплого уютного очага, картину, умело нарисованную рукой мастера – подобные картины рисуют многие на протяжении долгих лет, не видя вовсе, что их краски давно поблекли, а холст отсырел и больше ничего не воспринимает. Не могу и не желаю жить в подобной лжи или мнимой идиллии, обрекая себя на постоянные муки совести и реалии, скрытые от посторонних глаз.

Ольга работает дизайнером по интерьерам, и, стоит отдать ей должное, действительно знает толк в этом деле. Она говорит, что здесь отсутствует идейная композиция, но это вовсе не значит, что стоит поработать и над моей обителью. Пару раз она пыталась что-то переделать, внести, так скажем, свою лепту, но все попытки пресекались в самом начале. Ей – двадцать девять лет, нет детей, не была замужем, и моя мама возлагает на неё огромные надежды, а Ольга эти надежды разделяет.

– Может, поужинаем где-нибудь? – улыбнувшись, протягивает холодные руки.

– Неплохая идея. Выбирай место, я угощаю.

Путь до ресторана проходит в полной тишине – абсолютное молчание – я его так называю, когда четко поделены территории, и никто не пытается пробраться за очерченную линию. Иногда кажется, что мы с Ольгой могли стать прекрас-

ными друзьями, если бы не зашли так далеко, или той самой идеальной парой, если бы не было её, той, которая называет меня «джаным». Со стороны, мы с Ольгой производим впечатление той самой пары, которой давно пора узаконить отношения, и многие, в том числе моя матушка, недоумевают, почему мы до сих пор этого не сделали. Зачастую то, что видят глаза, вовсе не является тем, что есть на самом деле. Мы смотрим, придумываем композицию, не осознавая вовсе, что видим лишь небольшую часть всей картины, а остальное — результат нашего творчества. Это как оправдывать ожидания, которые вовсе не обязаны оправдывать, а тот, кто возлагает их на нас, не имеет на это никакого морального права.

Каждый волен выбирать, в том числе и Ольга. Я не могу за неё решить, оставаться или уйти. Мы не можем принимать решения за других, не стоит нарушать чужие границы. После того, как я всё рассказал, можно было встать и уйти, впрочем, она это может сделать в любой момент, но предпочитает остаться, думая, что если бы мы встретились раньше, всё могло быть иначе. Мы бы давно были женаты и по паркету квартиры бегали маленькие ребятишки. Она не верит в мои отношения с этой женщиной — именно так она её называет — говорит, подобного рода встречи ни к чему не приведут, у них нет будущего. Я знаю, Ольга ждёт момента, когда я наконец-то пойму, что она права и перестану встречаться с той самой женщиной. Как долго продлится её ожидание,

мне неизвестно.

– Может, сходим в кино после ужина? – спрашивает Ольга

– У меня другая идея. Давай-ка лучше купим диск с отличным фильмом, после чего отправимся домой и спокойно посмотрим его. Никто не будет есть попкорн по соседству, вставлять едкие комментарии или, что больше всего меня раздражает, передвигаться по залу. Что скажешь?

– Скажу, что подобная идея мне вполне по душе, – улыбувшись, нежно накрывает ладонью мою.

– Что ты хочешь на десерт? – спрашиваю, листая страницы меню.

– Этого нет в меню, – кокетливо улыбается.

– Шутница. – смотрю на неё и, подмигнув, жестом подзываю официанта. – Позволь мне выбрать за нас двоих.

– Ты давно это делаешь.

– Нам, пожалуйста, два яблочных штруделя с мороженым, – делаю вид, что не понял намёка.

– Знаешь, дорогой, эта женщина полностью подчинила тебя, каждый раз она вторгается в нашу жизнь без всякого на то разрешения, – говорит шепотом после того, как официант удаляется.

– Ты не права. Я разрешаю это делать. Она не спрашивает разрешения у тебя, ты ведь это имеешь в виду?

– Ты говоришь так, будто это естественно, и вполне укладывается в рамки общепринятого поведения.

– Заметь, ты говоришь об этом.

Тут же вспоминаю разговор в отеле, который произошел несколько месяцев назад. Я затронул тему обычаев, общепринятых норм, традиций, на что она мне ответила: «Мы свободны до тех пор, пока не заковали себя в оковы предрасудков, стереотипов и людской молвы». Отчетливо помню, слово в слово, будто она сказала это вчера. Тогда фраза показалась мне несколько вызывающей и пафосной, абсолютно не применимой по отношению к реальности, но с каждым днём всё больше убеждаюсь в обратном. Ежедневно нам пытаются навязать определённые правила поведения, мышления, ставят перед выбором, заключают в тиски, придумывая рамки положенного и правильного. И мы поддаёмся всеобщему давлению, забывая о своих желаниях, интересах, чувствах, думая лишь о том, как же это сообразится со стороны. Со временем мы принимаем правила игры, а позже начинаем думать, как бы эти правила обойти, чтобы, с одной стороны, их не нарушить, а, с другой стороны, сделать это незаметно и безболезненно.

И вот сейчас, в этом небольшом, уютном ресторане, напротив меня сидит красивая, умная женщина, которой так хочется создать образ идеальной пары, добиться заключения долгожданного союза наяву, что она готова пойти на всяческие жертвы и унижения, лишь бы достигнуть своей цели и доказать неведомо кому, что была права, победила.

Ольга, милая Ольга. Женщина, которую я не люблю.

Глава 8

Сентябрь 2011- го

Сегодня мой тридцать первый день рождения. Она прислала огромный букет белых лилий в студию. Открываю дверь кабинета, а на столе – они, наполнившие своим ароматом пространство, белые-белые, и небольшая открытка: «Не знала, какие цветы ты предпочитаешь, поэтому прислала тебе свои любимые. С днём Рождения, джаным.». Перечитываю текст, наверное, в десятый раз. Красивый почерк.

Стою возле окна с открыткой в руке, улыбаюсь. Значит, это её любимые цветы. Да, они, как никакие другие, подходят больше всего. Нежные и сильные. Она так же, как и эти белые лилии, поглотившие все остальные ароматы, вытеснила всех возможных и бывших женщин из моего сердца, не предоставив ни малейшего шанса. До сегодняшнего утра мне никто не дарил цветы. Считается, что это прерогатива женщин. Глупости. Цветы от любимой женщины – это чертовски приятно. Цветы и любимая женщина – приятно вдвойне.

Открываю окно, и аромат лилий тут же вырывается наружу, смешиваясь с сырым осенним воздухом. Последние три дня в столице дождливо и уныло – конец сентября, как-ни-

как. Солнце изредка балует – в основном, лишь тучи да серость. Если бы она намекнула о возможной встрече сегодня вечером, бросив всё и всех, примчался бы в любой уголок Земли. Готов отменить все встречи и празднования, отключить мобильный, который с утра разрывается жуткой трелью, отвести её в любимый ресторан, где подают самые вкусные блюда, а потом обнимать крепко-крепко и никуда не отпускать. Только мы вдвоём – и никого больше.

– С Днём Рождения, любимый!

Невольно вздрагиваю. В дверях кабинета – Ольга. Машинально кладу открытку в карман брюк. Две недели назад сказал Ольге, что нам не стоит продолжать отношения. Она ничего не ответила, лишь встала и молча ушла. Не стала устраивать истерик, собирать вещи, просто ушла. Две недели, и она вернулась. Две недели молчания: ни звонков, ни записок, ни сообщений – ничего. А потом просто позвонила в дверь и молча вошла в квартиру, присела в кресло. Я подумал тогда, мол, пришла забрать вещи. Окончательно. Что я почувствовал в тот момент? Ничего. Не было ни страха, ни отчаяния, ни сожаления – просто стоял и смотрел на неё. Затем ужасно захотелось извиниться, что так и не смог её полюбить. Она же продолжала сидеть в кресле и молчать. Я знал, ей тяжело и невыносимо больно, возможно, она разочарована. Я понимал, нужно поговорить, нельзя расставаться вот так, не проронив и слова, в глубокой тишине, будто чужие люди, но продолжал стоять возле двери в ответном молча-

нии. Затем она встала, подошла, прижалась ко мне и заплакала. Сказала, что не готова уйти, а я, мол, рано или поздно всё осознаю, смогу её полюбить, а она готова ждать. «Прости меня» – это всё, что смог выдавить из себя. Затем она приготовила ужин, который мы съели в неловком молчании. Я всё смотрел на неё и не мог понять, отчего мне так стыдно. «Я не смогу дать тебе того, что ты хочешь», – сказал шёпотом. «Мне ничего от тебя не нужно, просто будь со мной рядом», – ответила, посмотрев мне в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.